

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*В.Л. ТАМБОВЦЕВ***Социальная политика:
нерешенная задача
научного обоснования**

В данной статье автор анализирует попытки установления количественных связей между рядом экономических и политических индикаторов стран и параметрами их социальных политик посредством эконометрических методов. Отмечается, что эти исследования позволили выявить несколько частных зависимостей, справедливых для отдельных периодов, хотя общие закономерности остаются неизвестными. В этой связи анализируются также две попытки обоснования параметров социальной политики на основе таких концепций, как (1) ограниченная рациональность и подталкивание и (2) необходимость производства государством социально значимых благ. Анализ этих подходов показывает их неадекватность задаче обоснования параметров социальной политики. Общий вывод заключается в том, что эти параметры – результат дискреционного выбора политиков, которые могут преследовать разные цели в разные периоды времени, в силу чего обнаружение объективных закономерностей вряд ли возможно.

Ключевые слова: социальная политика, бюджетные расходы, ограниченная рациональность, подталкивание, социально-значимые блага.

Факторы, определяющие параметры социальной политики государства, в частности расходы бюджета на финансирование производства услуг образования и здравоохранения, социальную защиту населения и т.п., долгое время находятся в сфере внимания исследователей, их выявлению посвящена обширная теоретическая и эмпирическая литература. Истоки такого внимания очевидны: специалисты в данной области полагают, что *научное* обоснование социальной политики позволит привести ее содержание и количественные характеристики в соответствие с предпочтениями всех заинтересованных лиц, включая избирателей, политиков и чиновников. Такое соответствие, в свою очередь, будет способствовать росту общественного благосостояния и снижению социальной напряженности, то есть достижению целей социальной политики.

Количественные обоснования

Вероятно, одной из первых теоретических моделей, в которых фигурируют совокупные государственные расходы, был так называемый “закон Вагнера”, в соответствии с которым последние возрастают вместе с ростом национального дохода.

Тамбовцев Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 46, Москва, 119991. E-mail: tambovtsev@ecom.msu.ru.

В действительности этот “закон” – лишь отчасти подтвержденная гипотеза [Durevall, Henrekson 2011]. Ее уточненный вариант гласит, что более богатые страны тратят на производство предоставляемых гражданам благ больше, чем бедные, поскольку спрос на такие блага (часто неточно именуемые “общественными”) растет вместе со сложностью экономики [Baumol 1967].

Нельзя не отметить, что обе гипотезы характеризуют лишь самые общие (и притом сравнительные) количественные параметры госрасходов, не касаясь собственно социальной политики. Кроме того, они фактически принимают в расчет только одну сторону, говоря о спросе и не затрагивая темы предложения производимых государством благ. При этом они исходят из предпосылки, что государство имеет демократический характер, чутко отзываясь на нужды избирателей. Однако именно в недемократических странах, составляющих большинство стран мира, фактор предложения может быть весьма значимым, поскольку рост госрасходов здесь почти автоматически ведет к увеличению числа источников приватизации бюджетных средств политиками и чиновниками.

В этой связи естественным стало появление моделей госрасходов политико-экономического характера, включающих как экономические, так и политические (в том числе, идеологические) факторы. Множество таких моделей можно условно разделить на две группы, (а) основанные на пространственной модели голосования и (б) на взаимодействии групп специальных интересов. В рамках первых предполагается, что избиратели принимают решения независимо, а политики конкурируют между собой за занятие властных позиций (мест в государственных учреждениях), предлагая те или иные программы (политики) госрасходов, не используя при этом “запрещенные приемы”, например, прямой подкуп избирателей, обещания им персональной поддержки или предоставления частных услуг в случае победы на выборах (см., например, [Romer 1975; Meltzer, Richard 1981; Persson, Tabellini 1994]). В рамках вторых предполагается, что избиратели объединены в группы по интересам или иным характеристикам. Эти группы обеспечивают поддержку политикам в обмен на те блага, которые будут им предоставлены политиком в случае успеха (см., например, [Wright 1985; Moene, Wallerstein 2001] и др.). При этом в ряде подходов ([Calvert 1985; Alesina 1988] и др.) претенденты на государственные посты могут предлагать избирателям политические программы, различающиеся по идеологическим основаниям. Безусловно, такие постановки гораздо полнее отражают реалии формирования социальной политики в различных странах, чем те, где избиратели действуют независимо друг от друга.

Результаты эмпирических исследований, нацеленных на проверку подобных политико-экономических моделей госрасходов, неоднозначны. Поскольку речь идет о социальной **политике**, особенно внимательно в литературе изучалось влияние политических факторов, прежде всего типов политических режимов. Ведь механизм голосования и выборов, который, как отмечалось выше, в большинстве теоретических моделей, включая политико-экономические, считался ключевым, а он в жизни многих государств далеко не всегда в состоянии оказать какое-либо влияние на проводимую политику, даже если формально имеет место.

Прямая попытка выявить различия в экономических и социальных политиках демократических и недемократических государств [Mulligan, Gil, Sala-i-Martin 2004] показала, что (по крайней мере, в течение периода 1960-х–1990-х гг.) значимых различий в названных сферах не было, хотя они, безусловно, присутствовали в иных областях, таких как военные расходы, регулирование деятельности религиозных организаций, свобода слова и иные гражданские и политические права. Вместе с тем обнаружена положительная и статистически значимая связь между эффективностью госсектора и демократией (Adam, Delis, Kammas 2011), между “левизной” правительств и ускоренным ростом госрасходов на образование (изучались 33 государства ОЭСР за период с 1996 по 2009 г. [Molina-Morales, Fortes, Rueda 2012]; схожие результаты ранее были получены в [Potrafke 2010]), между размерами государственных инвестиций и низким качеством государственного управления, отсутствием в государстве подотчетности

исполнительной власти, действенных сдержек и противовесов [Keefer, Knack 2007], и т.п. Другими словами, факторы политического устройства стран оказывают разнообразные воздействия на параметры социальной политики, однако каких-либо универсальных устойчивых тенденций в данной области выявить к настоящему времени (пока?) не удалось.

Неколичественные обоснования

В связи с приведенными выше неудачами многочисленных попыток выявить надежные научные обоснования объема и структуры бюджетных расходов на социальную политику не вызывает острого несогласия утверждение Ф. Фаччини: “...прикладная эконометрика не является способом выбора из множества возможных объяснений эволюции государственных расходов” [Facchini 2014, p. 1]. Он обосновывает его анализом 19 различных объяснений, включающих 73 объясняющих переменных, и цитирует в этой связи Т. Майера, который еще в 1980 г. писал: “...при данной слабости эконометрической техники... другие способы проверки, такие как апелляция к качественной экономической истории, не должны трактоваться как архаические” (цит. по [Facchini 2014, p. 1]). Поддерживая этот вывод, Фаччини заключает: “Выводы предписывающего характера (из проведенного исследования. – В.Т.) состоят в том, что невозможно использовать количественный анализ для того, чтобы открыть некоторые инвариантные обобщения и защитить их от различных форм манипуляций с причинами (*causal manipulationism*)... Мы должны принять неповторимость (*singularity*) исторических фактов и важность намерений правительств, то есть телеологические объяснения” [Facchini 2014, p. 47].

Рассмотрим некоторые из форм такого “неархаического” объяснения масштабов и структуры госрасходов в рамках социальной политики, а именно – попытки установления связи между ними и (а) ограниченной рациональностью индивидов, на которых нацелена социальная политика, и (б) понятием социально значимых благ (СЗБ).

Первая из названных форм получила название “либертарианский патернализм” (ЛП) [Thaler, Sunstein 2003; Thaler, Sunstein 2008] и может рассматриваться как некоторая разновидность так называемой “нормативной поведенческой экономической теории” [Berg 2003]. Исходя из того, что в поведении людей наблюдается целый ряд “иррациональностей”, то есть отступлений от того, что в экономической теории принято считать рациональным, Р. Талер и К. Санштайн выдвинули концепцию “подталкивания” (*nudge*) индивидов к выбору такого поведения, которое соответствовало бы их истинным предпочтениям, какими бы те были, если бы поведение оказалось лишено “иррациональностей”. Такой подход, с одной стороны, не ограничивает свободу выбора, то есть соответствует либертарианской доктрине, а с другой – позволяет людям повысить их благосостояние, улучшив жизнь и себе, и обществу в целом. Суть “подталкиваний” состоит при этом в организации пространства выбора – с учетом известных “неправильностей” в поведении – так, чтобы компенсировать или устранить последствия этих отступлений от рационального поведения. Талер и Санштайн подчеркивают, что речь идет не о том, чтобы подтолкнуть индивида к выбору того, что нужно кому-то другому, речь о выборе того, что в действительности нужно самому индивиду. Соответственно, “нужно в действительности” то, что индивид выбрал бы, если бы у него отсутствовали когнитивные препятствия для выбора, такие как фрейминг-эффект (*framing effects*), эффект выбора по умолчанию (*default rules*), эффект начальной точки (*starting points*), если бы его предпочтения были согласованы и непротиворечивы (*coherent*), если бы он правильно оценивал риски, не страдая от чрезмерного оптимизма и сверхдоверия (*unrealistic optimism and overconfidence*), и т.д. Поэтому, утверждают они, термин ЛП – вовсе не оксюморон [Sunstein, Thaler 2003].

Последующее обсуждение концепции ЛП выявило целый ряд ее моментов, открытых для критики, – от чисто “технических” (см., например, [Sugden 2008; Pasche 2014]) до политико-идеологических (см., например, [Rizzo, Whitman 2009; Schnellenbach

2012]). Не вдаваясь в детали дискуссии (безусловно, заслуживающей отдельного анализа), воспроизведу здесь лишь некоторые из представленных в литературе замечаний.

Во-первых, вся конструкция ЛП базируется на предпосылке существования у индивидов “истинных” предпочтений, искажаемых их когнитивными ограничениями [Guala, Mittone 2015]. Однако предпочтения – это не высказывания, которые могут быть истинными или ложными, они имеют иной логический (и онтологический) статус. Важно подчеркнуть, что потенциальные “открыватели” “истинных” предпочтений могут ошибаться точно так же, как и объекты их исследования. Таким образом, фактически постулируя существование всезнающего “лапласовского” наблюдателя, Санштайн и Талер входят в противоречие с основой ЛП – поведенческой экономической теорией.

Во-вторых, корректирующие меры разрабатываются и предлагаются политиками, экспертами и чиновниками – тоже ограниченно рациональными индивидами, склонными допускать ошибки, как и все прочие [Kahneman, Lovallo 2003]. Это означает, что соответствующие меры могут подталкивать людей совсем не туда, куда бы они (или эксперты) хотели. В-третьих, у самих граждан гораздо сильнее стимулы к исправлению собственных ошибок, поскольку они отвечают за них своим благополучием, в то время как ответственность “подталкивающих” много меньше [Glaeser 2006]. В-четвертых, как показывает эмпирический анализ, для большей части граждан (по крайней мере, в некоторых странах) свобода выбора важна сама по себе, и, более того, при сравнении результатов собственного и “мягко рекомендуемого” выбора они предпочитают первые вторым [Lusk, Marette, Norwood 2014].

Разумеется, здесь приведены далеко не все претензии к концепции ЛП¹, но и сказанного достаточно, чтобы согласиться с Г. Митчелом в оценке ее как все-таки оксюморона [Mitchell 2005]. Тем не менее попытки так или иначе научно обосновать патернализм продолжают: появилось понятие *оптимального* патернализма [O'Donoghue, Rabin 2003], *асимметричного/консервативного* патернализма [Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O'Donoghue, Rabin 2003], а также *легкого* патернализма [Loewenstein, Haisley 2007]. Более того, Р. Лэйярд, выдвинув нормативный принцип “наибольшего счастья”, фактически отстаивает вариант “жесткого” патернализма, утверждая, что правительства *должны* принимать решения, обеспечивающие наиболее высокий уровень счастья в соответствующих странах путем прямого вмешательства в принимаемые частные решения тех, кто “не понимает своего счастья” [Layard 2010]². Между тем в ряде исследований было эмпирически показано, что уровень субъективного благосостояния, или счастья, положительно связан не с регулированием, то есть ограничением выбора, а с *уровнем свобод* [Inglehart, Foa, Peterson, Welzel 2008; Bavetta, Navarra 2011; Oishi, Diener 2014], то есть ослаблением регулирования.

Завершая краткое обсуждение концепции ЛП, нельзя не упомянуть об одной не-тривиальной трактовке “подталкивания”, предложенной М. Биндером и Л. Лейдсом [Binder, Lades 2015]. Они утверждают: в принятие частных решений имеет смысл вмешиваться только для того, чтобы помочь людям принимать более удачные (с *их* точки зрения, а не с позиций каких-то внешних оценщиков), то есть критически отрефлексированные и автономные решения. Вместо того чтобы выбирать *за людей*, разумно подталкивать их к тому, чтобы они различали иные подталкивания и самостоятельно осуществляли выбор, максимально “очищенный” от внешних влияний. Только такое подталкивание способно предотвратить различные манипуляции в сфере принятия частных решений.

Рассмотрим теперь другой немодельный подход к обоснованию содержания (и масштабов) социальной политики, связанный с понятием социально значимых

¹ Так, М. Биндер выделил шесть таковых [Binder 2014], а М. Уайт посвятил ее критике целую книгу [White 2013].

² Здесь нельзя не вспомнить приписываемый Л. Троцкому лозунг “Железной рукой загоним человечество в счастье”.

благ (СЗБ, или *merit goods*). Оно было введено Р. Масгрейвом, характеризовавшим их как блага или желания (*wants*), которые “рассматриваются как столь значимые (*so meritorious*), что их удовлетворение обеспечивается посредством государственного бюджета и платы за частных потребителей” [Musgrave 1959, p. 13]. В наше время СЗБ чаще трактуются как частные блага со значительными внешними эффектами, масштабы которых зависят от объемов потребления таких благ. Недостаточно потребляя блага с положительными внешними эффектами, или чрезмерно потребляя блага с отрицательными внешними эффектами, граждане либо не полностью используют потенциал роста общественного благосостояния, либо, напротив, наносят ему ущерб. Поэтому государство, заботящееся о росте общественного благосостояния, должно поощрять потребление первых и ограничивать (или вообще запрещать) потребление вторых.

Обе эти трактовки не противоречат друг другу и обе заставляют поставить схожие вопросы: **кем** блага рассматриваются как значимые (см. формулировку Масгрейва) и **кто** считает экстерналии положительными (или отрицательными)? Стандартный ответ на эти вопросы, который прямо или косвенно присутствует в литературе, заключается в том, что таким субъектом выступает **общество**. Однако общество – не единый субъект, оно структурировано, в нем существуют и действуют группы с разнонаправленными, а иногда – с антагонистическими интересами. Более того, общество вообще не субъект каких-либо решений, решения принимаются конкретными индивидами, а так называемые групповые или коллективные решения предполагают различные процедуры согласования интересов и выработки единого мнения. Это значит, что объявление того или иного блага социально значимым без проведения признанной гражданами процедуры согласования их суждений, – чистый произвол.

Следствием такого произвольного объявления блага СЗБ оказывается *искажение стимулов* индивидов к его потреблению, что зачастую ведет к негативным, а не позитивным последствиям. Так, в целом ряде эмпирических исследований установлено, что большему вовлечению государства в финансирование образования соответствует снижение усилий учащихся по освоению предлагаемых учебных программ [Hanushek 2003; Blankenau, Camera 2009; Yamamura 2010], что, в свою очередь, связано с замедлением экономического роста в долгосрочной перспективе [Basu, Bhattacharai 2012].

Аналогично, исследуя процессы, происходившие в сельском хозяйстве латиноамериканских стран в последние десятилетия XX в., Р. Лопес и Г. Галинато эмпирически выявили, что сокращение в государственных бюджетах доли субсидий частных благ, то есть фактически сужение множества СЗБ, при одновременном увеличении финансирования общественных благ имело большое и статистически значимое влияние на подушевой доход сельских жителей, на снижение уровня бедности, а также на уменьшение негативного воздействия на окружающую среду [López, Galinato 2007].

Почему же “благие намерения” одних индивидов по отношению к другим, выражающиеся в понятии СЗБ, имеют столь неоднозначные последствия? Как представляется, это связано с *природой* понятия СЗБ: оно не является следствием только **объективных** свойств благ (как, скажем, понятие общественных благ), это так называемое *диспозиционное* свойство, *связанное* с объективными характеристиками объекта, но *приписываемое* ему некоторым *субъектом*. Свойство социальной значимости благ – *социально сконструировано*, то есть некое благо может быть социально значимым для одних людей, но не быть таковым для других.

Если же определение того, что является, а что не является СЗБ, берет на себя правительство (особенно, не очень подотчетное избирателям), для *произвола* в таком определении, для “настройки” его на личные интересы чиновников открывается самое широкое поле. В зависимости от складывающейся ситуации, одно и то же благо может как объявляться СЗБ, так и исключаться из этой категории. При этом параметры ситуации, влияющие на соответствующие решения, весьма разнообразны, – от уровня наполняемости доходов бюджета до личных прихотей влиятельных политиков, от идеологии правительства до его стремления хорошо выглядеть на фоне других стран.

Как справедливо заметил К. Виксель более века назад, “если любые государственные расходы должны быть оправданными, являются ли они вновь предложенными или уже существующими, должно быть в целом предположено, что эти расходы как таковые, независимо от средств покрытия этих издержек, направлены на деятельность, полезную обществу в целом, что осознано всеми классами без исключения. Если это не так, если большая или меньшая часть сообщества была безразлична или даже возражала против предложенной деятельности государства, тогда я не в состоянии понять, как последняя может быть рассмотрена как удовлетворяющая коллективную потребность в строгом смысле слова. Если такая деятельность вообще должна быть предпринята, она должна быть до времени *оставлена частной инициативе* (курсив мой. — В.Т.). Представляется вопиюще несправедливым (*blatant injustice*), если кого-то будут принуждать участвовать в издержках некоторой деятельности, которая не соответствует его интересам или даже диаметрально противоположна им” (цит. по [Krepelka 2007, p. 23]).

Таким образом, соотношение СЗБ и социальной политики можно описать следующим образом. **Благо или услуга субсидируется за счет госбюджета не потому, что является СЗБ, а наоборот: оно становится (на некоторое время) СЗБ потому, что субсидируется за счет бюджета.** Эта связь хорошо иллюстрируется фактической эволюцией социальной политики в европейских странах [Starke 2006; Vis 2009], в ходе которой шло постепенное сокращение социальных расходов³.

С моей точки зрения, все попытки оправдания и актуализации патернализма, в любой его форме, ведут к реализации вполне частных интересов совокупности чиновников (или, короче, — государства) в расширении множества тех ресурсов, которыми они смогут (вполне легитимно в глазах “опекаемых” граждан) распоряжаться. При этом очевидно, что формы “опеки” с большой вероятностью могут оказаться такими, что частные выгоды “опекунов” существенно превысят выгоды “опекаемых”. Важно подчеркнуть, что подобное развитие событий никак не связано с личными мотивами тех исследователей, которые выступают инициаторами и/или защитниками тех или иных форм патернализма. Изобретательность чиновников в реализации их частных интересов, подкрепленная хорошим знанием правил бюрократической подготовки и принятия решений, а также специфического языка этих решений и норм их трактовки (интерпретации), вполне в состоянии трансформировать любое благое (по мнению представителей экспертного сообщества) начинание в его прямую противоположность.

Эти выводы вполне согласуются с теоретическим анализом “мягкого патернализма”, представленным в работе И. Шнелленбаха. Им убедительно показано, что любая форма патернализма не может рассматриваться как политика, направленная на повышение эффективности, что она является перераспределительной политикой. “Если информация об индивидуальных предпочтениях и убеждениях не может быть централизована правительственным плановиком, то ни мягкий, ни жесткий патернализм не в состоянии надежно сдвинуть экономику ближе к границе полезности-возможности (*utility-possibility frontier*), однако всегда перераспределяет благосостояние между гетерогенными индивидами”. Кроме того, патернализм повышает устойчивость существующих социальных норм, которые вовсе не обязаны быть ни обеспечивающими эффективность экономики, ни поддерживающими интересы большинства населения: “Патерналистские политики, которые основываются на социальных нормах, укрепляют эти нормы и являются консервативными в том смысле, что увеличивают вероятность выживания существующего состояния социальных норм” [Schnellenbach 2012, 269, p. 275].

На примере России в течение последней четверти века можно найти прямое подтверждение всем этим оценкам. Например, образование (особенно высшее) последова-

³ Хотя, например, в такой стране, как Швеция, общая либерализация социальной политики не сопровождалась урезанием соответствующих бюджетных расходов [Bergh, Erlingsson 2009].

тельно теряло статус СЗБ, становясь сугубо частным благом, о положительных экстерналиях которого чиновники только упоминали в официальных документах, никак не отражая этого в бюджетных расходах. Действительно, в условиях архаизации структуры экономики хорошо подготовленные специалисты просто не находят рабочих мест, где они смогли бы реализовать свои компетенции, так что для правительства расходы на качественное образование – просто растраты бюджетных денег. Соответственно, снижающийся уровень подготовки специалистов консервирует отсталую структуру отечественной экономики.

Список литературы содержит исключительно зарубежные источники, он представлен в References.

Social Policy: Scientific Justification' Unresolved Problem

V. TAMBOVTSEV*

***Tambovtsev Vitaly** – doctor of sciences (Economics), chief research scientist, Faculty of Economics, Moscow Lomonosow State University. Address: 1, bld. 46, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: tambovtsev@ecom.msu.ru.

Abstract

The factors determine state social policies parameters such as budget expenditures on education, health sphere, social protection, and so on financing, are in the focus of academics very long time, and are discussed in the voluminous theoretic and empiric literature. The reason for this attention is obvious: the researchers believe that *scientific* justification of the social policies parameters gives possibilities to harmonize these ones with the interests of stakeholders, such as the voting public, politicians, and bureaucrats. This harmony in turn will be enhance social welfare and reduce social tensions hence promoting social policy goals fulfillment.

This article' author analyze the efforts to reveal quantitative linkage between some economic and political indicators on the one hand, and social policies parameters, on the other hand using econometrics' tools. It is shown that these researches have revealed some partial and local associations taking place at certain periods of time although general regularity is meanwhile unknown. In this regard two qualitative approaches to justify the social policies parameters are analyzed: (1) based on bounded rationality and nudge, and (2) based on merit goods conception. Studying these approaches demonstrates that they are irrelevant to the problem of social policies parameters' justification.

General conclusion is made that these parameters are the result of the politicians' discretionary decisions following different goals at the different periods of time so the discovery of objective regularities is unlikely possible one.

Keywords: social policy, budget expenditure, bounded rationality, nudge, merit goods

REFERENCES

- Adam A., Delis M.D., Kammas P. (2011) Are democratic governments more efficient? *European Journal of Political Economy*. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 75–86.
- Alesina A. (1988) Credibility and Convergence in a Two-party System with Rational Voters. *American Economic Review*. Vol. 78. No. 4. Pp. 796–805.
- Basu P., Bhattacharai K. (2012) Government Bias in Education, Schooling Attainment, and Long-run Growth. *Southern Economic Journal*. Vol. 79. No. 1. Pp. 127–143.
- Baumol W. (1967) Macroeconomics of Unbalanced Growth: the Anatomy of Urban Crisis. *American Economic Review*. Vol. 57. No. 3. Pp. 415–426.

- Bavetta S., Navarra P. (2011) Economic Freedom and the Pursuit of Happiness. *2011 Index of Economic Freedom*. Washington (DC): Heritage Foundation. Pp. 61–68.
- Berg N. (2003) Normative behavioral economics. *Journal of Socio-economics*. Vol. 32. Iss. 4. Pp. 411–427.
- Bergh A., Erlingsson G.Ó. (2009) Liberalization without Retrenchment: Understanding the Consensus on Swedish Welfare State Reforms. *Scandinavian Political Studies*. Vol. 32. Iss. 1. Pp. 71–93.
- Binder M. (2014) Should evolutionary economists embrace libertarian paternalism? *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 24. Iss. 3. Pp. 515–539.
- Binder M., Lades L.K. (2015) Autonomy-enhancing Paternalism. *Kyklos*. Vol. 68. Iss. 1. Pp. 3–27.
- Blankenau W., Camera G. (2009) Public spending on education and the incentives for student achievement. *Economica*. Vol. 76. Iss. 303. Pp. 505–527.
- Calvert R.L. (1985) Robustness of the Multidimensional Voting Model: Candidate Motivations, Uncertainty, and Convergence. *American Journal of Political Science*. Vol. 29. No. 1. Pp. 69–95.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetrical Paternalism”. *Univ. of Pennsylvania Law Review*. Vol. 151. Iss. 3. Pp. 1211–1254.
- Durevall D., Henrekson M. (2011) The futile quest for a grand explanation of long-run government expenditure. *Journal of Public Economics*. Vol. 95. Iss. 7–8. Pp. 708–722.
- Facchini F. (2014) *The determinants of public spending: a survey in a methodological perspective*. MPRA Paper no. 53006. January 17 (URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/53006/>).
- Glaeser E. (2006) Paternalism and Psychology. *Univ. of Chicago Law Review*. Vol. 73. No. 1. Pp. 133–156.
- Guala F., Mittone L. (2015) A Political Justification of Nudging. *Review of Philosophy and Psychology*. March.
- Hanushek E.A. (2003) The failure of input-based schooling policies. *Economic Journal*. Vol. 113. Iss. 485. Pp. F64–F98.
- Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. (2008) Development, Freedom, and Rising Happiness: a Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 3. No. 4. Pp. 264–285.
- Kahneman D., Lovallo D. (1993) Timid Choices and Bold Forecasts: a Cognitive Perspective on Risk Taking. *Management Science*. Vol. 39. Iss. 1. Pp. 17–31.
- Keefer P., Knack S. (2007) Boondoggles, Rent-seeking, and Political Checks and Balances: Public Investment under Unaccountable Governments. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 89. No. 3. Pp. 566–572.
- Krepelka J. (2007) *Public Goods and Private Preferences: are They Reconcilable?* / Univ. of Geneva (URL: http://www.jankrepelka.com/p/Public_Goods_and_Private_Preferences.pdf).
- Layard R. (2010) The Greatest Happiness Principle: Its Time Has Come. *CESifo Database for Institutional Comparisons in Europe*. Vol. 8. No. 4. Pp. 26–31.
- Loewenstein G., Haisley E.C. (2007) *The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of 'Light' Paternalism*. February 28 (URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.962472>).
- López R., Galinato G.I. (2007) Should governments stop subsidies to private goods? Evidence from rural Latin America. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. Iss. 5–6. Pp. 1071–1094.
- Lusk J.L., Marette S., Norwood F.B. (2014) The Paternalist Meets His Match. *Applied Economic Perspectives and Policy*. Vol. 36. No. 1. Pp. 61–108.
- Mayer T. (1980) Economics as a Hard Science: Realistic Goal or Wishful Thinking? *Economic Inquiry*. Vol. 18. Iss. 2. Pp. 165–177.
- Meltzer A.H., Richard S.F. (1981) A Rational Theory of the Size of Government. *Journal of Political Economy*. Vol. 89. Iss. 5. Pp. 914–927.
- Mitchell G. (2005) Libertarian Paternalism Is an Oxymoron. *Northwestern Univ. Law Review*. Vol. 99. No. 3. Pp. 1245–1277.
- Moene K.O., Wallerstein M. (2001) Inequality, Social Insurance, and Redistribution. *American Political Science Review*. Vol. 95. No. 4. Pp. 859–874.
- Molina-Morales A., Fortes I.A., Rueda A.G. (2012) *Institutions and Public Spending on Education among the Nations of the OECD*. July 10 (URL: <http://ssrn.com/abstract=2108334>).
- Mulligan C.B., Gil R., Sala-i-Martin X. (2004) Do Democracies Have Different Public Policies than Nondemocracies?. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. No. 1. Pp. 51–74.
- Musgrave R. (1959) *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw-Hill.
- O'Donoghue T., Rabin M. (2003) Studying Optimal Paternalism, Illustrated by a Model of Sin

Taxes. *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 186–191.

Oishi S., Diener E. (2014) Can and Should Happiness Be a Policy Goal? *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. Pp. 195–203.

Pasche M. (2014) *Soft Paternalism and Nudging – Critique of the Behavioral Foundations*. MPRA Paper no. 61140. December 20 (URL: http://mpa.ub.uni-muenchen.de/61140/1/MPRA_paper_61140.pdf).

Persson T., Tabellini G. (1994) Is Inequality Harmful for Growth? *American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. Pp. 600–621.

Potrafke N. (2010) *Does Government Ideology Influence Budget Composition? Empirical Evidence from OECD Countries*. Univ. of Konstanz. Department of Economics. Working Paper Series 2010–16. December 13.

Rizzo M.J., Whitman D.G. (2009) Little brother is watching you: New paternalism on the slippery slopes. *Arizona Law Review*. Vol. 51. No. 3. Pp. 685–739.

Romer T. (1975) Individual Welfare, Majority Voting, and the Properties of a Linear Income Tax. *Journal of Public Economics*. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 163–185.

Schnellenbach J. (2012) Nudges and norms: on the political economy of soft paternalism. *European Journal of Political Economy*. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 266–277.

Starke P. (2006) The Politics of Welfare State Retrenchment: a Literature Review. *Social Policy and Administration*. Vol. 40. Iss. 1. Pp. 104–120.

Sugden R. (2008) Why incoherent preferences do not justify paternalism. *Constitutional Political Economy*. Vol. 19. Iss. 3. Pp. 226–248.

Sunstein C.R., Thaler R.H. (2003) Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *Univ. of Chicago Law Review*. Vol. 70. No. 4. Pp. 1159–1202.

Thaler R.H., Sunstein C.R. (2003) Libertarian Paternalism. *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.

Thaler R.H., Sunstein C.R. (2008) *Nudge, Improving Decisions on Health, Wealth and Happiness*. New Haven: Yale Univ. Press.

Vis B. (2009) Governments and unpopular social policy reform: Biting the bullet or steering clear? *European Journal of Political Research*. Vol. 48. Iss. 1. Pp. 31–57.

White M.D. (2013) *The Manipulation of Choice: Ethics and Libertarian Paternalism*. New York: Palgrave Macmillan.

Wright R. (1985) The Redistributive Roles of Unemployment Insurance and the Dynamics of Voting. *Journal of Public Economics*. Vol. 31. Iss. 3. Pp. 377–399.

Yamamura E. (2010) *Public spending on education: Its impact on students skipping classes and completing school*. MPRA Paper no. 23657. June 30.